

3. Полянский, Н. Устав уголовного судопроизводства / Н. Полянский. – М., 1914. – 306 с.
4. Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М., 1991. – Т. 8. – С. 120–251.
5. Учреждение судебных установлений Российской империи 1864 г. // Доступ из СПС «Консультант Плюс». – 567 с.
6. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – С. 898 (с изм. и доп.).
7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – С. 1 (с изм. и доп.).
8. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – С. 4532 (с изм. и доп.).
9. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – С. 4921 (с изм. и доп.).

Правовое положение женщин Древнего Египта в современной историографии и учебной литературе

*Дубодел В. В., студ. 1 к. БГУ,
науч. рук. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, доц.*

Положение женщин в патриархальном обществе всегда было менее значимым, чем положение мужчин. Вместе с тем правовое положение женщин Древнего Египта было заметно выше в сравнении с другими странами Древнего Востока. В Древнем Египте не существовало единого устава, который бы затрагивал все сферы жизни общества, однако о правовом статусе женщин в этой стране можно судить, исходя из различных сохранившихся документов. В законах женщины и мужчины были уравнены в правах, радикальные отличия в правовом статусе отсутствовали.

Женщина имела полное право работать, участвовать в суде, заключать сделки, владеть и распоряжаться имуществом. Также она выступала, например, в качестве продавца земельных участков, поручителя по кредиту или как покупатель имущества. В одном из документов упоминается случай, когда мужчина берет у торговца в долг сумму, которая должна быть выплачена

в установленный период, в то время как мать этого мужчины объявляет себя ответственной за долг сына, то есть становится поручителем [1, с. 3]. Как пример того, что женщина в Древнем Египте могла выступать в роли арендодателя, можно упомянуть случай, когда женщина сдала мужчине в аренду на два года часть своей земли на условиях, что на второй год он будет выращивать на арендуемом им участке определенное растение [1, с. 13]. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что разницы между двумя полями не было, когда требовалось письменное закрепление прав [1, с. 32].

В Древнем Египте религия и брак считались важными аспектами жизни общества. Если мужчина был счастлив с женщиной в браке, то хотел после смерти перейти в иной мир с этой же женщиной [2, с. 183]. Брачно-семейные отношения были основной сферой жизни для большинства женщин. Находясь в браке, мужчина и женщина были уравнены в правах, однако сами браки инициировались будущим мужем и родителями невесты. В Древнем Египте использовались термины *hemet* и *hebsyt*, чтобы обозначить жену [3, с. 408]. Женщина рассматривалась как объект, который передавался от отца к мужу. В брачных договорах за женщиной, как правило, закреплялось ее материальное обеспечение. Тем не менее главным в семье, согласно законам и обычаям, оставался мужчина. Так, женщина могла быть избита палкой за различные проступки [4, с. 55]. Если в браке происходила измена, то мужчина порицался обществом гораздо меньше, нежели женщина. Так происходило потому, что мужчина в Древнем Востоке считался не таким легкомысленным и ненадежным, как женщина [2, с. 265].

При бракоразводном процессе права мужчин и женщин также были равны. Сам процесс не являлся чем-то необычным, вторые браки были обыденностью в те времена. Мужчина не мог считаться разведенным до тех пор, пока не вернет жене ее приданое, тем не менее отношение к женщине было менее лояльным.

Управление государством в Древнем Египте в основном происходило без участия женщины. Случаи, когда женщина занимала государственную должность, были достаточно редкими [3, с. 408]. Однако можно предположить и то, что правление женщин мужчинами намеренно скрывалось. Так, царица Хатшепсут (XVI в. до н.э.), которая управляла Древним Египтом вследствие того, что рано овдовела, вела мирную политику и отказалась от завоеваний. Пришедший после нее на престол Тутмос III приказал уничтожить все памятники и письменные упоминания, которые были связаны с царицей, несмотря на то, что она вела достаточно успешную политику особенно в экономической и политической сферах [2, с. 226]. Чаще всего царицы в Древнем Египте считались лишь дополнением царя, его неотъемлемой частью, но

сами в управлении государством участия не принимали. Несмотря на то, что женщина и мужчина формально были уравнены в правах, их социальное положение отличалось.

Основываясь лишь на документах и законах, а также принимая во внимание специфику изучаемого периода, Древний Египет можно считать гендерно-нейтральным государством, хотя реального равенства между мужчиной и женщиной не существовало.

Литература

1. Allam, S. Women as Holders of Rights in Ancient Egypt (During the Late Period) / S. Allam // Journal of the economic and Social History of the Orient. – 1990. – № 773874. – P. 1–34.

2. Вардиман, Е. Женщина в древнем мире / Е. Вардиман. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 335 с.

3. Томсинов, В. А. Государство и право Древнего Египта : монография. – М. : Зерцало-М, 2011. – 512 с.

4. История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров / М. Н. Прудников. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 811 с.

The Impact of Artificial Intelligence on Human Rights

*Зыкова А. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Довгань Е. Ф., д-р юр. наук, проф.*

Humanity is now facing the revolution in information technology moving it forward but at the same time raising a lot of legal challenges as to the compliance with human rights law. One of the technologies that is exponentially being included into our everyday life is artificial intelligence (AI). AI's impact on certain human rights has been an object of attention of the 2018 report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression (Special Rapporteur) [1]. Moreover, the technology's impact on the way in which human rights are exercised has drawn attention of the regional intergovernmental organizations – Council of Europe and the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) [2, 3, 4]. At the same time this problem is hardly evaluated by legal scholars.

For the purposes of the present article the author will use the definition of AI provided by the OECD, which adopted the first intergovernmental standard for AI policies. An AI system is “a machine-based system that can, for a given set of human-defined objectives, make predictions, recommendations, or decisions influencing real or virtual environments” [4]. As it stems from the OECD